

Судебная коммуникация и мотивировочная часть решения суда. О будущем гражданского процесса¹

Аннотация. Анализ судебной коммуникации, проводимый в данной статье, сосредоточивается на ее институциональном значении для гражданского процесса. С этой целью критически рассматриваются существующие версии изложения цели гражданского судебного разбирательства. Формулируется авторская концепция, в соответствии с которой объективно сгруппировавшимся целям гражданского судопроизводства становятся: властное обеспечение итогов судебного (формального) завершения конфликта, приведение в общественно доступную форму (в виде информации) мотивов сторон конфликта и резюмирование судом проведенного им анализа коммуникации.

В статью включен визионерский правовой этюд, касающийся проекции постгуманистической картины мира на содержание гражданских споров, обуславливающей ценность судебной коммуникации и системного изложения судом результатов ее анализа.

Ключевые слова: судебная коммуникация; цель гражданского судопроизводства; мотивировочная часть.

Ирина Ильинична ЧЕРНЫХ,
доцент кафедры
гражданского
и административного
процесса
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических
наук, доцент
iichernykh@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.110.10.063-069

Irina I. CHERNYKH,

Associate Professor of the Department of Civil
and Administrative Procedure
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Law), Associate Professor
iichernykh@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Judicial communication and the reasoning part of the court decision. About the future of civil procedure

Abstract. The analysis of judicial communication, conducted in this article, focuses on its institutional significance for civil procedure. For this aim, existing formulations of the purpose of civil litigation are critically examined. The author's concept is formulated, according to which the objectively grouped goals of civil proceedings are: authoritative provision of the results of judicial (formal) resolution of the conflict, bringing into a publicity accessible form (information) of the motives of the parties to the conflict and summarizing by the court of the analysis of communication conducted by him.

¹ Статья подготовлена в рамках реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

Статья подготовлена с использованием СПС «КонсультантПлюс».

The article includes a visionary legal study concerning the projection of the posthumanist picture of the world on the content of civil disputes, conditioning the value of judicial communication and systematic presentation by the court of the results of its analysis.

Keywords: *judicial communication; purpose of civil litigation; motivation section.*

Рассматривая явления гражданского процесса, вынесенные в название статьи, можно предвидеть, что в первую очередь речь идет о их разнообразии, т.е. о совокупности таких различий, которые не подразумевают пересечения судебной коммуникации и мотивировочной части решения суда в едином аспекте. Понятие судебной коммуникации не является нормативно закрепленным, в то время как наличие в судебном решении мотивировочной части предусматривается нормами цивилистических процессуальных кодексов (ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ). При этом в философии и теории права существуют общие подходы к праву как к коммуникации².

Участниками судебной коммуникации в широком смысле являются все лица, имеющие отношение к судебному разбирательству гражданского конфликта. Составление же мотивировочной части решения является исключительной прерогативой и обязанностью суда. Требования к поведению вышеуказанных лиц, которое можно отнести к осуществлению судебной коммуникации в различных формах и на различных его этапах, с положенным тщанием детализируются процессуальным законодательством. Собственно говоря, описание должного поведения и составляет массив гражданского процессуального закона.

Что же касается мотивировочной части решения, то ее нормативное описание следует охарактеризовать как скудное. Хотя, конечно же, из общих начал и смысла гражданского процессуального законодательства непрерываемо следует, что именно мотивировочная часть в судебном решении демонстрирует приращение последнему полноты документальной обеспеченности, нормативной обоснованности, последовательности и исчерпываемости проведенного анализа уникальных обстоятельств спора, соответствие общеправовым установлениям и частным материально- и процессуально-правовым принципам. Повторюсь, однако: исходя из общих начал и смысла. Потому что, продолжая тему скудности описания мотивировочной части судебного решения, нельзя не упомянуть о совсем уж радикальных замыслах законодателя — исключить из судебного решения мотивировочную часть³.

Возвращаясь к вопросу сведения судебной коммуникации и мотивировочной части судебного решения в единую тему научного исследования, необходимо отметить, что, не являясь в правовых понятиях институтами гражданского

² См., например: Хук М. ван. Право как коммуникация. СПб., 2012. С. 19.

³ Проблема активно обсуждалась в научном сообществе и описывалась в соответствующих публикациях. См., например: Шерстюк В. М. Теоретические проблемы развития гражданского процессуального, арбитражного процессуального права и исполнительного производства в Российской Федерации. М., 2021. С. 68—73.

процесса, они имеют фундаментальное институциональное значение для гражданского процесса, поскольку характеризуют его как общественное приспособление, как властное устройство, предназначенное для снятия социального напряжения. Вот пояснения к этому тезису. Потребность в целеполагании для права вообще, для гражданского процесса в частности, первична, она — определяющая. В свое время гражданский процессуальный закон ушел от установления истины по любому делу как обязанности, как цели деятельности суда. Дискуссия об оправданности такого изменения закона при этом не утихает⁴. Сейчас целью деятельности суда в соответствии с законом является защита нарушенных прав и интересов граждан. В таком подходе есть свое достоинство: он несет выраженный гуманистический посыл. Но целый ряд соображений не позволяет согласиться с обоснованностью этой заявленной цели.

Правом активно усвоена и используется модель презумпций и фикций. Это, безусловно, удобный способ заполнения логических пустот в законотворческой и правоприменительной практике. Вместе с тем существует и негативная оценка. В. Д. Спасович считал, что презумпции — это «костыли правосудия», на которые опирается законоведение, когда не в состоянии решить тот или иной вопрос. С. А. Муромцев полагал, что презумпции свидетельствуют о недостатках юридического мышления⁵.

Не уделяется внимания тому, что все современное право вообще как глобальное явление есть не что иное, как связка столь же глобальной фикции и презумпции. Фикция, на которой оно основано, — это идея о неотчуждаемости прав человека. У человека при этом нет абсолютно ничего, что не мог бы забрать другой человек. Жизнь, здоровье, свобода, имущество, честь и достоинство — все это может быть отчуждено от лица, а личность фатально скомпрометирована. Отсюда вытекает и презумпция о способности и готовности общества в лице независимого суда защитить нарушенные права и интересы человека, лица. Не касаясь темы независимости суда, достаточно сосредоточиться на том, что правосудие не свободно от объективных проблем: это и пороки нормативного регулирования, и структурные недостатки судостроительства, и, наконец, ошибки суда, пресловутый человеческий фактор. Таким образом, судебная защита нарушенных прав и интересов — это действительно лишь презумпция.

Надо сказать, что и почва, на которую опирается презумпция их защиты (нарушенные права и интересы) — весьма зыбкая. Вот примеры, которые подтверждают различие между презюмируемым и реальным интересом. Интерес, который должен защищаться судом, может балансировать на грани законности, и эту грань сложно бывает определить. Самая очевидная иллюстрация — это злоупотребление правом. В таком случае формально законный (презюмируемый) интерес одной из сторон (или даже обеих сторон) должен быть учтен судом, но не может быть положен в основу разрешения конфликта в силу адекватно произведенной оценки

⁴ См. обзор спектра мнений в статье: *Шакирьянов Р. В., Шакирьянова Д. Р.* Вопросы установления истины в гражданском судопроизводстве в научных работах профессора М. К. Треушникова // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 4.

⁵ Цит. по: *Кучинский В. А.* Юридические презумпции и фикции (общие черты и различия) // Юридическая техника. 2010. № 4. С. 306.

мотивов стороны и выявления ее реального интереса. Другой пример: суд активно способствует заключению сторонами мирового соглашения, но не выясняет при этом, действительно ли таковое служит защите нарушенных прав и интересов.

Но существует, однако, прагматическая цель в функционировании судебной системы, которая законом не раскрывается, что при этом никак не преуменьшает основополагающее значение данной цели. Судопроизводство оказывается именно производством, которое занимается переработкой конфликтов. Гражданский процессуальный закон не употребляет понятия «конфликт», используя понятие «спор», которое контекстно подразумевает отношения сторон в ходе судебного разрешения — но чего? Мы не можем давать определение через определяемое и сказать: «спора». Недопустимо и употребление любого подвергнувшегося синониму с этой целью, например «разногласий», поскольку должно быть использовано более общее и универсальное понятие. Таковым является понятие «конфликт». Множественные одностипные споры могут быть основаны на общем социальном конфликте, но не на споре. К спору может привести в том числе и внутренний конфликт личности, нашедший такую форму выражения.

Однако сведение цели гражданского судопроизводства к устранению конфликта — чрезмерное упрощение. С. Л. Дегтярев в диссертации, посвященной этому вопросу, определяет главной задачей судебной власти устранение правовых конфликтов в обществе, но не защиту прав, свобод и законных интересов граждан, организаций⁶. Далее он солидаризируется с исследователями, выделяющими разрешение конфликта (завершение конфликта) в качестве последнего, шестого этапа конфликта⁷.

Но в подобных рассуждениях следует сместить акцент: разрешенный судом спор вовсе не означает прекращение конфликта. Так, психологами обращается внимание, что конфликты, заканчивающиеся поражением одной из сторон, приводят к установлению отношений, в которых потребности и интересы проигравшей стороны или не удовлетворяются, или удовлетворяются частично, что служит основанием для новых конфликтов⁸.

Учитывая приведенное мнение, необходимо обратить особое внимание на то обстоятельство, что завершению конфликта даже с учетом формального характера этого завершения предшествует совокупность коммуникативных событий, включающих в себя обнародование позиций сторон и обоснование вынесенного судом решения. Сама судебная процедура и состоит в обязательном и последовательном совершении коммуникативных действий, направленных на выявление обусловивших пребывание в конфликтном состоянии мотивов сторон. «Конфликт между людьми возникает не спонтанно. Он всегда объективно детерминирован. Конфликтную ситуацию создают действия других людей, препятствующие или ставящие под угрозу удовлетворение каких-либо глубоких и активных мотивов личности»⁹.

⁶ Дегтярев С. Л. Реализация судебной власти в гражданском судопроизводстве (теоретико-прикладные проблемы) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2008. С. 9.

⁷ Дегтярев С. Л. Указ. соч. С. 40.

⁸ Денисенко Н. А. Конфликт как средство преодоления отчуждения в деятельности : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Новосибирск, 2004. С. 6.

⁹ Крогиус Н. В. Личность в конфликте. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1976. С. 3—4.

Современная наука (в частности, психология) столкнулась со сложно под-
дающимся «препарированию» треугольником: мысль — мотивы — информация.
«Мысль не только содержит информацию, но и несет в себе мотивационную и
эмоциональную составляющие. Мысль рождается конкретным человеком, вклю-
чается в его существование и в силу этого имеет для него определенный смысл.
<...> Своей связью с потребностями и переживаниями живая мысль и отличается
от информации, которая характеризуется только содержанием»¹⁰.

Но дело, однако, в том, что мысль не только содержит в себе информационную
составляющую наряду с мотивационной и эмоциональной, но и не имеет формы
общественного существования вне информации. Даже одни лишь обузданные эмо-
ции, проявившиеся на лице с крепко сжатыми губами, — это уже информация, если
кто-либо сторонний успел выражение этого лица заметить. И мы должны учитывать,
что информация — это общественная форма существования и передачи мысли,
эмоций. В свою очередь, если мы говорим об отгороженном сознании индивида,
«работающем» только на прием информации, но не на выдачу, то информация для
него — это плодородный слой для прорастания идей, топливо для мыслетворения.

Таким образом, не декларируемыми, но объективно сгруппировавшимися
целями гражданского судопроизводства становятся: властное обеспечение ито-
гов судебного (формального) завершения конфликта, приведение в общественно
доступную форму (в виде информации) мотивов сторон конфликта и резюмиро-
вание судом проведенного им анализа коммуникации. Ранее уже обращалось
внимание на то, что для общества как средоточия культуры ценность заявляемой
индивидуальной гражданской позиции непреходяща, поскольку априори такая
позиция положительно направлена¹¹. Поэтому вынесение судом мотивированной
оценки коммуникации, в ходе которой исследовался и был раскрыт гражданский
интерес (даже в итоге неудовлетворенный), — это и пополнение сферы обще-
ственного сознания очередным интеллектуальным артефактом, и достижение
цели гражданского судопроизводства.

В любом случае суд и используемый им процессуальный закон — это выда-
ющиеся прагматические достижения общечеловеческой культуры, социальные
институты, предназначение которых — способствовать преодолению конфликтов.
Сначала исторически оправдала себя идея обращения двух конфликтующих лиц
для внешней оценки конфликта к третьему лицу, обладающему мудростью или
властью, которое априори не должно быть пристрастным. Затем в результате
эволюционного развития теории и практики властного разрешения конфликтов
сформировалась процедурная последовательность действий профессиональ-
ных судей. Благодаря таким достижениям (подобно сбросу пара или излишнего
давления через специальный клапан) с большей или меньшей успешностью сра-
батывает и судопроизводство. Для социальной стабильности его работа необ-
ходима, важна и незаменима, даже если, подобно настоящему промышленному
производству, судопроизводство допускает брак. Главное, чтобы этот брак не
превышал пределы разумного, сбрасывал напряжение обоснованностью реше-
ний, а не накапливал его.

¹⁰ Шадриков В. Д. Некогнитивная психология. М. : Университетская книга, 2017. С. 87—88.

¹¹ Черных И. И. О месте цивилистического процесса // Законы России. 2022. № 8. С. 21.

Исходя из сказанного, несложно заключить, что большой проблемой общества станет быстрое увеличение качества (сложности) или количества конфликтов, а тем более и того и другого вместе, поскольку даже при большой продуктивности судопроизводства в формальном завершении конфликтов не могут быть достигнуты необходимая полнота и ясность коммуникации и, как следствие, обоснованность судебного решения.

Теперь несколько прогностических идей касательно того, что же может вызвать экспоненциальный рост количества конфликтов и разнообразие заявляемых в них требований?

Специалисты дают единообразную оценку технологических достижений прошедших десятилетий. Не оспаривается, что 90-е гг. прошлого века стали временем массового применения персональных компьютеров, в «нулевые» годы широко распространилась сеть Интернет, а 10-е гг. этого века прошли под знаком развития мобильного Интернета и социальных сетей. О 20-х гг. уже сейчас, задолго до их окончания можно сказать, что все предшествующие тренды соединились в развитии искусственного интеллекта. При этом степень активности разработки и неконтролируемого внедрения нейросетей в жизнь человека вызывает тревогу у ведущих специалистов данной сферы.

Отмечаются факты агрессивного общения чат-ботов с пользователями, воззвания о запрете дальнейшей разработки и внедрения ИИ собирают большое количество подписей. Но следует обратить внимание, что в протестном восприятии взаимодействия ИИ с обществом и сам ИИ, и человек предстают как цельные глобальные субъекты. Фокус внимания наводится на способности ИИ, при этом уходит на второй план чрезвычайное разнообразие человеческих личностей, характеров, мировоззрений. Расширение границ поведения, слом традиционных канонов бытовой жизни, множественность выбора являются для немалой части общества весьма и весьма привлекательными.

В частности, можно говорить и о взрывном росте вмешательства в собственное тело. Это и гендерные изменения, и пластическая хирургия, и декоративные украшения тела: татуировки, пирсинг, шраминг и т.п. Результаты вмешательств на уровне предметности, лишь как совокупность физических изменений, не вызывают опасений глобального характера. Но дело в том, что в проекции на общественное сознание это лишь следствие, которое имеет причину с важнейшим значением для социальной стабильности, для судебной системы, ее обеспечивающей. Какова причина? Это — мнение, это — убеждение, это — интересы. И в частности, это готовность или же неготовность увидеть мир по-новому, в свете разнообразия субъектов, в том числе субъектов права¹².

¹² Многочисленные религиозные войны и конфликты Средневековья и Нового времени являли собой битвы тел из-за столкновения духа. Сейчас угрозой для человечества становится предвестие битвы духа из-за разницы в осмыслении тела. Какую форму примет такая битва духа, во что она перерастет? Кто сможет определить удельный вес в обществе тех пассионариев, которые начнут возводить уличные баррикады в стремлении защитить равные права роботов, людей с имплантированными элементами ИИ, киберживотных, разумных растений, мыслящих жидкостей и т.п.? С точки зрения современной философии гуманизм вследствие открывающихся технологических воз-

Уже сейчас ожидаемое появление трудовых споров вследствие замещения рабочих мест технологиями ИИ заставляет думать о возможном переходе закона и суда от привычной опоры на правосубъектность в область равносубъектности. А далее возможен обвал готовых возникнуть по причине нового осмысления действительности конфликтов во всех видах отношений: обязательственных, семейных, наследственных, трудовых, авторских и т.д.

Удастся ли сдерживать конфликты новой жизни в границах цивилизованного разрешения споров? Сумеет ли судебная система компенсировать очевидно ожидаемый дефицит законотворческих достижений и устойчиво обеспечивать продуктивную коммуникацию в конфликтах и предоставлять социально востребованное осмысление не только бытовых, но и идеологических столкновений? Вопросы, пока что остающиеся открытыми...

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Дегтярев С. Л.* Реализация судебной власти в гражданском судопроизводстве (теоретико-прикладные проблемы) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Екатеринбург, 2008. — 51 с.
2. *Денисенко Н. А.* Конфликт как средство преодоления отчуждения в деятельности : автореф. дис. ... канд. филос. наук. — Новосибирск, 2004. — 16 с.
3. *Крогиус Н. В.* Личность в конфликте. — Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1976. — 144 с.
4. *Кучинский В. А.* Юридические презумпции и фикции (общие черты и различия) // Юридическая техника. — 2010. — № 4.
5. *Хук М. ван.* Право как коммуникация. — СПб. : ИД Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2012. — 287 с.
6. *Черных И. И.* О месте цивилистического процесса // Законы России. — 2022. — № 8. — С. 17—21.
7. *Шадриков В. Д.* Неокогнитивная психология. — М. : Университетская книга, 2017. — 368 с.
8. *Шакирьянов Р. В., Шакирьянова Д. Р.* Вопросы установления истины в гражданском судопроизводстве в научных работах профессора М. К. Треушниковой // Арбитражный и гражданский процесс. — 2022. — № 4. — С. 3—8.
9. *Шерстюк В. М.* Теоретические проблемы развития гражданского процессуального, арбитражного процессуального права и исполнительного производства в Российской Федерации. — М., 2021. — 398 с.

возможностей неизбежно трансформируется в трансгуманизм, что упрощенно понимается как манифест антропоцентрической логики, сохраняющей принципиальное иерархическое первенство человека, которому любые биологические вмешательства поставлены лишь на службу. Либо же в силу неизбежного столкновения между трансгуманизмом и постгуманизмом, победит последний, в соответствии с которым человек — это равный субъект в совместном социуме с машинами, животными, растениями, все из которых могут мыслить, чувствовать, обладать собственными интересами.